

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.51>

Селиверстова Оксана Александровна

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СКАЗОЧНОЙ АЛЛЮЗИИ С КОМПОНЕНТОМ "ЗОЛУШКА" (CINDERELLA): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ПОДХОДА

Настоящее исследование направлено на сопоставительное изучение функционирования сказочной аллюзии в речи носителей русского и американского английского языков. Целью работы являются рассмотрение национально специфических компонентов когнитивной структуры аллюзии с компонентом "Золушка" (Cinderella) и описание особенностей языковой картины мира, влияющих на кодирование и декодирование образа. Проанализированные в статье фреймы и суб-фреймы, составляющие структуру данной аллюзии, обнаружили полярно различные ассоциативные связи, актуализируемые при ее использовании, и, соответственно, различную мотивацию употребления аллюзии, основанной на этом сравнении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 240-244. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Fakecheck** [Электронный ресурс]. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (дата обращения: 26.03.2019).
7. **Grant N.** Disinformation // National Review. 1960. Vol. 9. P. 41-48.
8. **Grice H. P.** Logic and conversation // Studies in Syntax and Semantics III: Speech Acts. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41-58.
9. **Leetaru K.** "Fake News" and How The Washington Post Rewrote Its Story on Russian Hacking of the Power Grid [Электронный ресурс] // Forbes. 2017. 1 January. URL: <https://www.forbes.com/sites/kalevleetaru/2017/01/01/fake-news-and-how-the-washington-post-rewrote-its-story-on-russian-hacking-of-the-power-grid/#153f8ed97ad5> (дата обращения: 26.03.2019).
10. **Nakashima E.** Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2017. 12 June. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russia-has-developed-a-cyber-weapon-that-can-disrupt-power-grids-according-to-new-research/2017/06/11/b91b773e-4eed-11e7-91eb-9611861a988f_story.html (дата обращения: 26.03.2019).

PRAGMATIC ASPECT OF DISINFORMATION IN THE MEDIA TEXT

Samkova Mariya Andreevna, Ph. D. in Philology
Chelyabinsk State University
degi_@mail.ru

The article aims to identify disinformation in the media text. Scientific originality of the study involves the application of the pragma-linguistic analysis to the media texts containing the elements of disinformation because they violate the cooperative principle. The findings indicate that the media texts violating H. P. Grice's maxims in proposition can't be critically evaluated, they cause and implant cognitive distortions. The maxim of the manner is most frequently violated. Deliberate but apportioned violation of the cooperative principle helps to manipulate readers' consciousness.

Key words and phrases: disinformation; manipulation; media text; cooperative principle; H. P. Grice's maxims; pragmatically marked lexeme.

УДК 80

Дата поступления рукописи: 03.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.51>

Настоящее исследование направлено на сопоставительное изучение функционирования сказочной аллюзии в речи носителей русского и американского английского языков. Целью работы являются рассмотрение национально специфических компонентов когнитивной структуры аллюзии с компонентом «Золушка» (Cinderella) и описание особенностей языковой картины мира, влияющих на кодирование и декодирование образа. Проанализированные в статье фреймы и суб-фреймы, составляющие структуру данной аллюзии, обнаружили различную ассоциативные связи, актуализируемые при ее использовании, и, соответственно, различную мотивацию употребления аллюзии, основанной на этом сравнении.

Ключевые слова и фразы: сказочная аллюзия; языковая картина мира; когнитивная модель; когнитивный контекст; фрейм.

Селиверстова Оксана Александровна, к. филол. н.
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
oxana33@list.ru

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СКАЗОЧНОЙ АЛЛЮЗИИ С КОМПОНЕНТОМ «ЗОЛУШКА» (CINDERELLA): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ПОДХОДА

В настоящее время значительное внимание ученых направлено на исследование картины мира различных народов, при этом особый интерес представляет собой когнитивная картина мира как «совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [8, с. 37]. Сказка представляет собой особый феномен культуры и «является мировоззрением, отражающим взгляд на мир через призму определённой системы ценностей, верований, обычаев» [1, с. 294]. Наш интерес к сказочной аллюзии как «закодированному» образу обусловлен как теоретическими, так и прагматическими соображениями. Не вызывает сомнения тот факт, что языковое сознание как коллективное сознание определенного лингвокультурного сообщества являет себя и доступно наблюдению лишь тогда, когда опосредуется конкретной языковой личностью в ее деятельности (прежде всего речевой) [5]. По-своему преломляя в сознании сюжеты общеизвестных сказок и образов сказочных героев в зависимости от аксиологических установок и картины мира, носители различных языков используют аллюзию для кодирования разных участков опыта и разных концептов, актуализируя при этом разные ассоциативные связи.

Целью настоящего исследования является выявление универсальных и национально-специфических компонентов когнитивной структуры сказочных аллюзий, основанных на имени сказочного героя. Достижение заявленной цели предполагает последовательное выполнение следующих исследовательских задач: 1) составление на основе НКРЯ и "СОСА" конкордансов, включающих все словоупотребления аллюзии

с компонентом «Золушка» (Cinderella); 2) выявление ключевых фреймов, входящих в структуру изучаемой сказочной аллюзии; 3) проведение частотного анализа для определения релевантности каждого фрейма; 4) выявление суб-фреймов в составе каждого фрейма на основе контекстуального анализа семантики и закодированного образа аллюзии.

Объектом настоящего исследования являются аллюзии с компонентом «Золушка» (Cinderella), основанные на сравнении. Выбор среди многообразия возможных аллюзий сравнений с именем собственным (именем сказочного персонажа) в качестве объекта исследования обусловлен следующими факторами:

1. Сказка является текстом высокой степени прецедентности. Вслед за Ю. Н. Карауловым, под прецедентными текстами мы понимаем «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216].

2. Наиболее семантически наполненными репрезентантами сказочного текста можно считать имена главных героев, которые отличаются богатством ассоциативных связей. С течением времени число таких связей неуклонно растет, делая имена сказочных героев репрезентантами многокомпонентных концептов.

3. Аллюзия как вид метафорического переноса играет «роль языкового “маркера”, за которым закреплены внеязыковые знания, представления о лице, явлении или ситуации» [7, с. 160]. «Символизм аллюзии также служит подтверждением ее когнитивного статуса и важности роли, которую выполняет аллюзия как посредник между кодовыми образами, хранящимися в сознании, и языковыми стереотипами, представляющими эти образы в речевой деятельности» [9, с. 159].

4. Значительное количество ассоциативных связей, лежащих в основе вторичной номинации, открывает возможности изучения картины мира, межкультурных различий в когнитивной структуре сказочных аллюзий носителей разных языков [10].

Научная новизна работы состоит в использовании корпусного подхода к когнитивному анализу семантической структуры сказочной аллюзии, что соответствует тенденции к интеграции научного знания, а также в компаративной природе исследования, основанного на материале русского и английского языков.

Исследование обладает теоретической значимостью, поскольку вносит вклад в представления о способах концептуализации действительности и репрезентации знаний, углубляет представления о картине мира носителей русского и английского языков, а также расширяет инструментарий когнитивной лингвистики.

Сказочная аллюзия уже становилась объектом отдельных исследований (ср. напр.: Е. Н. Ватутиной [4] и Е. Н. Коваленко [7]), однако работ компаративного характера нам выявить не удалось. В этой связи **актуальность** работы обусловлена ее компаративным характером, а также выбором в качестве материала исследования национальных корпусов, содержащих репрезентативную подборку текстов разных стилей и жанров, образцов устной и письменной речи.

Настоящее исследование базируется на представлении об интерпретирующей функции языка, существующей наряду с коммуникативной и когнитивной [2; 3], о корпусе как средстве, фиксирующем «естественный контекст употребления отдельных значений многозначных единиц» [7, с. 103]; а также на понятии когнитивного контекста, который представляет собой «модель культурно обусловленного канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере для части говорящего сообщества» [2, с. 36].

Поскольку значения, «будучи ассоциированными с различными контекстами, являющимися когнитивными по своему характеру, фиксируют прежний опыт, как коллективный, так и индивидуальный» [7, с. 109], метод концептуального моделирования в рамках корпусного подхода к когнитивной семантике может помочь описать структуру сказочной аллюзии как совокупность когнитивных контекстов, связанных с определенными фреймами и формирующихся на основе системы знаний о мире и интерпретирующей функции языка.

Методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) [12], корпуса современного американского английского “COCA” (<https://www.english-corpora.org/coca>) [13] был собран материал исследования, включающий 61 словоупотребление, представляющие собой ближайший контекст анализируемых имен собственных. Для каждого словоупотребления был выявлен когнитивный контекст, лежащий в основе сравнения. В зависимости от выделенного доминантного фрейма были проведены группировка контекстов и подсчет количества словоупотреблений по группам. На основе частотности была описана структура аллюзии как ментальной репрезентации персонажа для русского, английского и немецкого языков с последующим сопоставительным анализом полученных результатов.

Рассмотрим структуру аллюзии на образ Золушки на материале Национального корпуса русского языка [12]. Для настоящего исследования были отобраны 14 словоупотреблений, содержащих аллюзию в составе художественного сравнения. Наибольший показатель частотности (6) был выявлен в группе когнитивных контекстов, ассоциируемых с фреймом «труд»:

1. «Американский журнал “Forbes” составил рейтинг тех олигархических дочек, которые готовы трудиться как золушки» (Золушки-миллиардерши // Комсомольская правда. 2007. 23 ноября) [Там же].

2. «Ты, рожа, позавтракала, а я стираю целое утро, как золушка...» (А. Кабаков. Последний герой. 1994-1995) [Там же].

3. «А на самом деле я тут теперь **как Золушка**. Лекарства по всей больнице разношу» (Д. Соколов-Митрич. Стойкие альтернативные солдатики. Корреспондент «Известий» на собственном опыте убедился, что обычным красноармейцем быть легче // Известия. 2002. 28 февраля) [Там же].

Когнитивные контексты фрейма «внешний вид» суммарно составляют 4 словоупотребления, однако являются разнородными и реализуются суб-фреймами «отсутствие гардероба», «туфелька» и «наряд».

1. «Вещи младший, естественно, донашивает за старшим. Если это сестры, младшая вечно выглядит **как Золушка**» (Н. Усольцева. Старший и младший. Детские войны // Семейный доктор. 2002. 15 декабря) [Там же].

2. «**Как Золушка** перед балом, я осознал, что мне категорически нечего надеть на мероприятие» (М. Горцакалян. Москва толкиенутая // Столица. 1997. 26 августа) [Там же].

3. «Так этот, бородатый, в женских туфлях тут крутится. Как Золушка» (В. Дудинцев. Белые одежды. Первая часть. 1987) [Там же].

Частотность, равную 1, имеют фреймы «время» (ср.: «Но как только начинало темнеть, я всякую минуту, **как Золушка**, поглядывала на стрелку нормальных человеческих часов» (И. Полянская. Прохождение тени. 1996)) [Там же], «преображение» (ср.: «Ляля, **как Золушка**, с замиранием сердца разглядывает себя в зеркале») и «мачеха» («Когда девочка выросла, ее столица не принимала, как Золушку мачеха») (В. Емельяненко. Светлана Чуйкина: «Я – падчерица русского Голливуда» // Известия. 2002. 3 марта) [Там же].

Отметим, что 13 из 14 выявленных в Национальном корпусе словоупотреблений сказочной аллюзии Золушка отличается коннотативная окраска, основанная на реализации образа несчастной обездоленной сироты, преобладающего в первой части сказки. Ассоциативные связи при этом активизируют когнитивные контексты бедности, подчиненного положения, нелюбимого (неродного) ребенка в семье, неблагодарной, неприятной, кропотливой работы. А единственное словоупотребление, которое можно отнести к фрейму «везение» (ср.: «Но Рите повезло, как Золушке в сказке. Вышла замуж за американца» (В. Токарева. Кирка и офицер // Огонек. 1991. № 10) [Там же]) конкретизируется в следующем предложении, нейтрализуя положительную коннотативную окраску («Американец совсем никудышный, самое широкое место – талия, как у рыбы камбалы. И зубы – огород с гнилой картошкой») [Там же].

Таким образом, аллюзия, основанная на образе Золушки, в восприятии носителей русского языка главным образом мотивирована попытками вызвать сочувствие, описать несправедливо приниженное положение человека трудолюбивого, достойного лучшей доли.

В корпусе американского английского “СОСА” [13] методом сплошной выборки был составлен конкорданс из 47 словоупотреблений с аллюзией на основе художественного сравнения “like Cinderella”.

Когнитивная структура аллюзии “Cinderella” раскрывается через совокупность элементов ядра, которые представляют собой следующие атрибуты Золушки (в скобках приведены показатели частотности): бал (11), туфелька (7), наряд (7), принц (6), полночь (4), тыква (4), карета (3).

Наибольшим показателем частотности (11) обладает фрейм «бал», что, вероятно, свидетельствует о соответствующей коллокации в языке, при этом в словарях подобное выражение как идиоматическое не зафиксировано. Отметим, что когнитивные контексты и ассоциации, лежащие в основе сравнения “like Cinderella at the ball”, различны: бал как квинтэссенция богатства и роскоши, бал как триумф или маркер успеха, бал как символ чудесного превращения. Таким образом, можно выделить следующие суб-фреймы:

1) «роскошь», особенно в контексте «непривычная или чрезмерная по субъективным меркам», ср.: “I felt **like Cinderella at the ball**. The dinner was held at the swanky Restaurant La Palme d’Or on the Croisette” [Ibidem]. / «Я чувствовала себя как Золушка на балу. Ужин прошел в шикарном ресторане La Palme d’Or on the Croisette» (здесь и далее перевод автора статьи. – О. С.);

2) «успех», особенно неожиданный и очень желанный, ср.: “To be on Broadway was something fabulous, but to open The New York Times and to see your own Hirschfeld was like... I felt **like Cinderella at the ball** that morning” [Ibidem]. / «Побывав на Бродвее, я как будто побывала в сказке, а открыв Нью-Йорк Таймс и увидев себя в карикатуре Хиршфельда... я почувствовала себя, как Золушка на балу в то утро». Примечательно также, что аллюзия с компонентом «Золушка» нередко звучит из уст известных деятелей искусства, описывающих свои чувства при получении награды, ср.: “I felt **like Cinderella at the ball**,” Margulies admits of her best supporting actress award” [Ibidem]. / «Я чувствовала себя “как Золушка на балу”, – признается Маргулис, говоря о своей награде за роль второго плана»;

3) «превращение», особенно связанное с внешним видом и/или нарядом, ср.: “The grape myrtles (surely they must be tired from all that blooming) turn russet orange, and, **like Cinderella at the ball**, the common mulberry, so drab and unappreciated the remainder of the year, suddenly (briefly) glows brilliant yellow, a beacon of splendor” [Ibidem]. / «Лагерстремия (которая, наверняка, уже устала от всего этого цветения) становится красно-рыжей, а шелковица, обыкновенно невзрачная и не привлекающая внимание, вдруг, как Золушка на балу, засияет искрящимся желтым, путеводная звезда во всем великолепии».

Рассмотрим фрейм «туфелька». Примечательно, что данный фрейм представлен двумя лексическими единицами – “shoe” (категориальное обозначение обуви, в данном контексте – туфелька) и “slipper” (домашняя обувь, ср.: тапок), при этом атрибутивным компонентом выступает “glass” (стекло, стеклянный), в отличие от русского языка, где туфелька была хрустальная. По всей видимости, это культурно маркированный компонент. Вслед за М. Яшиной культурно маркированной единицей мы называем «слова, обладающие экстралингвистическим фоном и вследствие этого являющиеся источником социокультурной информации о стране изучаемого языка» [11]. В данном случае экстралингвистическая информация включает, во-первых, знания о богатых традициях производства хрустала в России и, во-вторых, ассоциации с хрусталем как символом достатка и праздника (посуда из хрустала как признак значимости события, в отличие от стекла как материала посуды повседневного использования). Вместе с тем в выявленных словоупотреблениях английского

языка туфельки обычно имеют дополнительные элементы, придающие обуви ценность, ср.: “My shoes are made of glass, just **like Cinderella's** and they have diamonds on the tips so they can match my dress” [13]. / «Мои туфельки – из стекла, как у Золушки, а на них – бриллианты, чтобы сочетались с моим платьем». В данном примере, как и в других словоупотреблениях, «туфелька» существует в одном контексте с фреймом «платье», репрезентуа общий для них суб-фрейм «наряд».

В качестве второго суб-фрейма можно выделить «нечто идеально подходящее», в том числе соответствующее ожиданиям или давним желаниям, ср.: “But it was love at first sight. It was my American dream house. I felt **like Cinderella when she found her glass slipper**” [Ibidem]. / «Это была любовь с первого взгляда. Это был дом моей американской мечты. Я чувствовала себя, как Золушка, которая нашла свою хрустальную туфельку».

Третий суб-фрейм представляет собой «нечто, что легко потерять», ср.: “Patent-leather slip-ons are the classic tuxedo shoe, but a lot of men don't feel comfortable in them. They're afraid **they'll lose one, like Cinderella**” [Ibidem]. / «Классической обуви к смокингу являются слипоны из лаковой кожи, но многие мужчины не чувствуют себя в них комфортно. Они боятся, что потеряют их, как Золушка». Таким образом, здесь реализуется суб-фрейм «сидящий свободно», обратный описанному выше «идеально подходит».

Фрейм «платье», помимо уже упомянутого суб-фрейма «наряд», имеет в своей структуре суб-фрейм «подаренное, не свое», ср.: “Whenever, you know, John Galliano a close friend gives me a dress to wear, I feel **like Cinderella**” [Ibidem]. / «Когда мой близкий друг Джон Галлиано дает мне платье на выход, я чувствую себя, как Золушка».

Фрейм «принц» в 5 из 6 контекстов используется в составе идиомы “prince charming” (сказочный принц, прекрасный принц), что можно рассматривать в качестве культурно релевантного маркера. Кроме того, соответствующий фрейм на лексическом уровне может быть выражен также словосочетанием “king's son”. При этом в составе фрейма «принц» реализуются следующие суб-фреймы:

1) «спаситель», вместе с тем контексты могут быть различными. Ключевым поводом, обусловившим аллюзию к Золушке и принцу, может быть как потерянная «туфелька», где аллюзия используется вместе с легкой иронией, ср.: “Toshi, he's **like Cinderella**. He left a shoe behind. But his prince charming will come” [Ibidem]. / «Тоши, как Золушка. Он потерял сапожок (*контекстуальный перевод, обусловленный предыдущим наименованием данной обуви – “little boot”*). Но прекрасный принц близко»; так и серьезная жизненная ситуация, ср.: “When Mike came into my life, I really felt **like Cinderella**, you know. Ragged and here comes this Prince Charming into my life and just really rescued me” [Ibidem]. / «Когда Майк вошел в мою жизнь, знаете, я была как настоящая Золушка, в лохмотьях. И тут появляется принц и в полном смысле слова спасает меня»;

2) «влюбленный», ср.: “Did coming to a ball **like Cinderella** give rise to Prince Charming expectations?” [Ibidem]. / «Неужели ее появление на балу, как Золушки, вселило надежды в прекрасного принца?». Примечательно, что реализация данного суб-фрейма нередко сопровождается ироничным тоном высказывания с оттенком пренебрежительного отношения, ср.: “I felt **like Cinderella** Brown. But I was a little disappointed that my fresh prince had not come for me in person” [Ibidem]. / «Я чувствовала себя, как Золушка Браун. Но была несколько разочарована, что мой новоиспеченный принц не встретил меня лично»;

3) «награда», ср.: “I was **like Cinderella**. Cinderella got the prince, Bello the bruises. Both are marks of victory” [Ibidem]. / «Я была как Золушка. Золушке достался принц, Белло – синяки. И то, и другое означает победу».

В отношениях противопоставления и взаимного дополнения находятся между собой фреймы «карета» и «тыква», реализуя общий для них суб-фрейм «превращение», ср.: “I feel like Cinderella as the bell tolls midnight. My magic has run out, and my carriage will revert to a pumpkin” [Ibidem]. / «Я чувствую себя как Золушка, слышав бой часов. Волшебство больше не действует, и моя карета превратится в тыкву».

Из приведенного примера видно, что условием превращения является полночь, что обусловило тесную связь соответствующего фрейма с фреймами «карета» и «тыква». Таким образом, можно уверенно говорить о суб-фрейме: «переломный момент», символизирующий возвращение из мира прекрасных грез в мир суровой действительности, своего рода рубеже между «до» и «после», ср.: “Once, Charlie was so desperate to be heard over the sweet talk of the other two boys that he began screaming at the top of his lungs, ‘Mommy, you look just like Cinderella!’ I could only hope he meant before midnight” [Ibidem]. / «Отчаявшись быть услышанным на фоне милой беседы двух других мальчиков, он закричал, что было сил: “Мамочка, ты выглядишь, как Золушка!”. Оставалось только надеяться, что он имел в виду до полуночи». Вторым суб-фреймом можно считать «момент неотложного действия», связанный с движением и скоростью, как самого действия, так и скоростью принятия решения о нем, ср.: “**Like Cinderella at Midnight**, she turns and races up the stairs as the Assembly is in complete turmoil” [Ibidem]. / «Как Золушка в полночь, она повернулась и помчалась вверх по лестнице, пока собравшиеся пребывали в полном замешательстве».

Таким образом, аллюзия на образ героини “Cinderella” в речевой практике англоговорящих американцев активизирует ассоциативные связи с роскошью, богатством, успехом, везением и соответствующим внешним лоском, перекликающиеся с концептом АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА.

Проведенный в рамках настоящего исследования сравнительно-сопоставительный анализ структуры аллюзии «Золушка» (Cinderella) выявил существенные различия как в структуре, так и в оценочном восприятии образа, что отражает особенности языковой картины мира носителей американского английского и русского языков. Общими, универсальными фреймами в составе аллюзии являются наименее частотные компоненты, которые можно отнести к периферии структуры: «туфелька» и «наряд». Они выполняют преимущественно атрибутивную функцию и составляют внешний образ Золушки. При этом, если в русской картине

мира наряд противопоставляется отсутствию подходящей одежды и бедному одеянию с чужого плеча, то в американской картине мира это прежде всего праздничный наряд, хотя компонент «не свой, подаренный, с чужого плеча» также присутствует в структуре соответствующего фрейма. Русскоязычный фрейм «время» в американской картине мира конкретизирован компонентом «полночь» и также является релевантным, однако представляет собой более выраженный рубеж между «до» и «после».

Фреймы, обладающие наибольшей частотностью, которые можно отнести к ядерной зоне, являются национально специфическими. Так, в русской картине мира, где труд является самостоятельной добродетелью, вне зависимости от его содержания, соответствующий фрейм («труд») имеет высокий показатель частотности. На фоне сострадания к «несправедливо обиженной» судьбой и людьми девушке, значение преобразования и счастливого финала игнорируется в сознании носителей или намеренно умалчивается для выделения доминантного образа «несчастной», требующей сочувствия. В американской картине мира, напротив, важен финал – блистательный и благополучный, при этом нивелируется воздействие «чудесных» сил и «временности» состояния триумфа на балу. «Бал» является доминантным компонентом ядра в структуре аллюзии и представлен в речи носителей суб-фреймами «роскошь», «успех» и «чудесное превращение». Вместе с тем потенциально возможный и представляющийся логичным суб-фрейм «заслуженная награда» внутри фрейма «бал» не выделяется. При этом суб-фрейм «награда», наряду с суб-фреймами «спаситель» и «влюбленный», входят в структуру фрейма «принц».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что использование аллюзии в межкультурной коммуникации требует осторожности и внимательного отношения как к собственно языковому контексту высказывания, так и к экстралингвистическим условиям коммуникации, таким как возраст и происхождение собеседников, регистр общения, а также ситуация, послужившая стимулом к использованию сказочной аллюзии с компонентом «Золушка».

Список источников

1. **Богатырёва Ж. В., Зимина Н. Ю.** Сказка как феномен культуры // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 293-294.
2. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная лингвистика. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
3. **Болдырев Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
4. **Ватутина Е. Н.** Сказочные аллюзии и их употребление в англоязычной литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 62-64.
5. **Гудков Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
6. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
7. **Коваленко Е. Н.** Когнитивные аспекты сказочной аллюзии: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2009. 180 с.
8. **Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход** / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.
9. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 314 с.
10. **Цыренова А. Б.** Репрезентация концепта “falstaff” в английской литературе XIX-XX вв. // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21). Ч. 1. С. 159-161.
11. **Яшина М.** Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/download/2088371/1gHyDI:Gx4uRINC6mxiaOTXJMDliJaexgI/> (дата обращения: 17.03.2019).
12. <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.03.2019).
13. <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 25.03.2019).

COGNITIVE STRUCTURE OF FAIRY-TALE ALLUSION WITH THE COMPONENT “ЗОЛУШКА / CINDERELLA”: COMPARATIVE ANALYSIS ON THE BASIS OF CORPUS APPROACH

Seliverstova Oksana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
oxana33@list.ru

The article provides a comparative analysis of a fairy-tale allusion functioning in the speech of native speakers of Russian and American English. The study focuses on identifying nationally specific components of the cognitive structure of the allusion with the component *Золушка/Cinderella* and on describing the peculiarities of the linguistic worldview, which influence the coding and decoding of an image. The analysed frames and sub-frames constituting the structure of this allusion manifested cardinally different associative relations actualized during its usage and, consequently, different motivation for using the allusion based on this comparison.

Key words and phrases: fairy-tale allusion; linguistic worldview; cognitive model; cognitive context; frame.